

Александр Ищенко

Рец. на: В.М. Рычка. Війна пам'ятей. Змагання за спадщину Київської Русі. Київ: Парлам. вид-во, 2021. 418 с.

Alexander Ishchenko

*(Novocherkassk Engineering and Land Reclamation Institute,
Don State Agrarian University, Russia)*

Rec. ad op.: V.M. Rychka. Viina pam'iatei. Zmahannia za spadshchynu Kyivskoi Rusi. Kyiv, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X23030161, EDN: ESINGV

Книга подводит своеобразный итог многолетнему изучению автором истории Киевской Руси и её «следа в истории» – исторической памяти об этом феномене в российской и украинской общественно-исторической мысли. Внимание при этом, как отмечается в аннотации, фокусируется на «долговременных и ожесточённых соревнованиях украинской и российской интеллектуальных элит за наследие Киевской Руси». Название книги, тем самым, не случайно и отражает её содержание довольно точно. Нельзя не заметить и того, что в свете развернувшейся на постсоветском пространстве «войны памяти», данная проблематика достаточно востребована и перспективна¹. В теоретическом плане В.М. Рычка опирается на ставшие уже классическими для изучения истории памяти труды французского историка П. Нора, ссылаясь, в частности, на сборник статей по основным проблемам «Les Lieux de memoire», вышедший в украинском переводе².

Хотя непосредственное начало спору о том, частью чьей исторической традиции (российской или украинской) является история Киевской Руси, было положено только в середине XIX в.³, нижняя хронологическая граница работы относится

к значительно более раннему времени – эпохе существования того самого восточнославянского государственного объединения с центром в Киеве, которое в историографии принято называть Древней или Киевской Русью. Её истории и «коммуникативной» памяти, т.е. памяти, охватывающей воспоминания, связанные с недавним прошлым⁴, посвящён первый из пяти разделов книги. Ведя речь о «феномене Руси», Рычка обратился к первым упоминаниям народа *русь* в источниках, его походам на Константинополь, христианизации страны при Владимире и Ярославе, деятельности Ярославичей и Владимира Мономаха, связям Руси со странами Латинского Запада и кочевыми народами Северного Причерноморья (с. 13–57). Очертив таким образом контуры Руси, автор перешёл к рассмотрению памяти о ней – «припоминаниям» в древнерусской литературе князей Рюрика, Олега, Ольги, Святослава, Владимира, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Даниила Галицкого и некоторых ставших знаковыми событий – убийству Святополком Окаянным Бориса и Глеба, разделу в 1026 г. между Мстиславом и Ярославом Руси по Днепру, «завещанию» Ярослава Мудрого и др. Из исторических фигур, согласно пред-

ставленным в книге наблюдениям, чаще всего на Руси вспоминали княгиню Ольгу и князей Владимира Святославича и Владимира Мономаха. Ольга почиталась в качестве «матери князей русьских», её внук — «стал отцом Руси», а Владимир Мономах — олицетворением образа идеального князя (с. 69, 85–86). Из событий наибольшую значимость автор придаёт разделу Руси 1026 г. по Днепру, который, в отличие от не имевшего, по его мнению, «особого резонанса» «завещания» Ярослава Мудрого, «сохранился не только в родовой памяти княжеских кланов», но и «был детонатором нестабильности, провоцировавшим разнотемп региональных ритмов исторической жизни страны» (с. 84). Наблюдение, безусловно, интересное, но недостаточно аргументированное.

Во втором разделе работы, озаглавленном «Кризис Руси», автор рассказывает о постепенном угасании Киевской Руси, причины которого заключались, по его мнению, не столько в монгольском нашествии, сколько в «политическом партикуляризме княжеских кланов» (с. 94), прежде всего владими́ро-суздальских Мономашичей. Особенно в этом направлении им выделяются деяния Андрея Боголюбского и Александра Невского. Первый из них стремился, как пишет Рычка, «не только превратить владими́ро-суздальщину в зеркальное отражение Киева, но и показать приоритет Владимира, возвысить его над древней столицей» (с. 105). В годы же княжения второго «линия разлома между киевским Югом и владими́ро-суздальским Севером существенно углубилась» (с. 115). Александр, как полагает вслед за Дж. Феннеллом и И.Н. Данилевским автор, стал «коллаборантом Орды» (с. 118). «Князьями-коллаборантами» Рычка признаёт и московских князей — потомков Александра Невского. Они,

как пишет украинский историк, «умели прельститься к ханам, притвориться их верными слугами и так искусно вели дела, что ханы им поверили, предоставили старейшинство над всеми другими и сделали их главными сборщиками податей» (с. 125). Ордынское владычество, разумеется, не прошло бесследно: «Московская правящая элита унаследовала практический опыт и нормы политической культуры Золотой Орды» (с. 125). Родившаяся в эпоху правления Ивана III самодержавная Россия была поэтому не столько наследницей Киевской Руси, сколько, как явно преувеличивая степень монгольского влияния на Московскую Русь⁵ пишет автор, «прививкой на монгольском корне» (с. 116). Подлинный же наследник киевских традиций — «Королевство Волыни-Галичины». Ведя речь о нём, Рычка вынужден признать, что «идея преемственности Юго-Западной Русью традиций первого Киевского государства в старорусской письменности не была высказана эксплицитно, а лишь подспудно прокламировалась через серию идеологических новаций, призванных возвысить статус Галицко-Волынского княжества в политической структуре конгломерата русьских земель» (с. 136–137). Имеется ввиду, в частности, титулование местными летописцами князя Романа Мстиславича «самодержцем всея Руси» и «цесарем в Роуской земли» (с. 137), что, конечно же, уступает той идеологической программе перемещения центра власти из Киева во Владимир, которая была развёрнута Андреем Боголюбским и рассмотрена автором выше. Тем не менее в представлении украинского историка, находящегося, очевидно, под влиянием «рациональной схемы» истории восточного славянства, созданной М.С. Грушевским⁶, Галич или Владимир Волынский имеют больше прав называться «Вторым

Киевом», чем Владимир Залесский или Москва.

В третьем разделе книги, носящем название «Припоминания киево-русского прошлого в раннемодерной книжной традиции», повествуется уже о самой «войне памяти», т.е. претензиях российской и украинской интеллектуальных элит на историческое наследие Киевской Руси. Начало этой войны усматривается во временах монголо-татарского владычества в Восточной Европе, когда, начиная с Ивана Калиты, Москва — некогда «далёкая окраина Киевского государства» (с. 6) — вступила в борьбу за «собрание русских земель», борьбу, которая «была не в последнюю очередь и идеологической борьбой, полем битвы за собрание и присвоение истории этих земель» (с. 162). Московские книжники, замечает Рычка, «первыми задекларировали единоличное право на киево-русское наследие». Ими была создана «довольно стройная схема происхождения и исторического развития Московии», одной из главнейших идей которой стало «обоснование непрерывной церковно-религиозной преемственности между Киевом и Москвой» (с. 161–162). Эта идея преемственности религиозных столиц, а также «непосредственного и непрерывного династического единства» между ними просматривается историком в Московском летописном своде конца XV в., «Задонщине», «Сказании о князьях владимирских», Никоновской летописи, Степенной книге, Казанской истории, хронографу и дипломатической переписке.

Отмечается повышенный интерес в памятниках московской книжности к образам княгини Ольги и князей Владимира Святого и Владимира Мономаха. Последние, согласно наблюдениям украинского историка, «стали базовыми персонажами политико-идеологической системы организации

и самоидентификации Московского монархического царства, послужили легитимации представлений тамошней элиты об унаследовании/присвоении наследия Киевской Руси и увенчанных “греческой славой” её князей» (с. 192). В самом деле, почитание Владимира Святого и Владимира Мономаха в Московской Руси в XV–XVI вв. усилилось⁷. Но о каком «присвоении» может идти речь, если московские князья являлись их прямыми потомками и в этом плане, по понятиям того времени, имели больше прав на наследие Киевской Руси чем, скажем, литовские Гедиминовичи или польские Пясты? Корректнее, вероятно, вести речь не о «присвоении» этого наследия «Московским монархическим царством», а о его инструментализации, востребованности образов прославленных киевских князей в качестве инструментов исторической легитимации власти московских правителей. О притязаниях на киевское наследие как таковое речь вовсе не шла.

На землях будущей Украины, где политическая жизнь после их вхождения в состав Польского королевства и Великого княжества Литовского переориентировалась на иные, порождённые за пределами Киевской Руси, культурные паттерны, подобного рода надобности, естественно, не возникало. Память о «славном киевском прошлом» поэтому оказалась здесь в значительной степени утрачена⁸. Рычка, впрочем, настаивает на том, что «киевские традиции» никогда не обрывались на украинских землях. Память о Киевской Руси сохранялась в первую очередь в кругах православного духовенства. Особенно же она актуализировалась в конце XVI в., что, по словам учёного, «было обусловлено, прежде всего, интеллектуальными вызовами (Берестейской. — *А.И.*) унии, пробудившей интерес просвещённых

слоёв украинства к поискам старокиевских корней культуры и православной веры» (с. 206). Неслучайно одним из центральных вопросов в украинской церковной публицистике в то время стала история крещения Киевской Руси. Автором показано, что она получила развитие как в произведениях католических и униатских полемистов (П. Скарги, Л. Кревзы и др.), так и в трудах их православных визави, в частности З. Копистенского, Л. Зизания, А. Кальнофойского. В то же время носителями памяти о временах Киевской Руси оставались, как подмечает Рычка, украинские княжеские роды. Они не только вели свою историю с тех времён, но и «претендовали на близкое или дальнее родство с династией князей киевского дома» (с. 209). Достаточно подробно в этой связи речь в книге идёт о возводивших свою родословную к Владимиру Святому и галицко-волынским Мономахам князьях Острожских.

С восстановлением на украинских землях в 1620-х гг. православной иерархии память о Киевской Руси получила новый импульс: в среде православной интеллигенции, как пишет Рычка, стало распространяться представление о том, что «современный ей Киев был продолжением Киева Владимира» (с. 215), т.е. проводилась идея о Владимире Святом как основателе киевской церковной традиции. Значительные усилия к «возобновлению» памяти о Киевской Руси приложил, как показано далее в работе, православный киевский митрополит Пётр (Могила), с подачи которого было, в частности, осуществлено восстановление древних киевских храмов и обретение мощей князя Владимира (с. 218–228). «Киево-русский ренессанс» подлился, однако, недолго. «Проводники украинской казачьей державы поверхностно унаследовали веру в харизму потомков киевской ди-

настии князей-воинов, в силу чего новая элита не могла представлять своё господство как прямое наследственное продолжение властвования киевских князей» (с. 234). В итоге с вхождением Левобережной Украины в состав России практике установления непосредственных связей между Киевом князя Владимира и Киевом Могилынской академии пришёл конец. «С той поры украинское духовенство весь арсенал своей учёности направляет на прославление новых властителей Владимирового Киева» (с. 244). Иначе говоря, «московские правители провозглашаются истинными правителями Киева и настоящими наследниками его княжеского прошлого» (с. 7). Показательным в этом отношении Рычка считает созданный в Киеве в начале 1670-х гг. и имевший большую популярность Синописис (с. 245).

Четвёртый раздел книги посвящён памяти о Киевской Руси, которую можно назвать «имперской». Её особенность в том, что концепция династически-религиозной преемственности России с Киевской Русью превращается в этнонациональную. Обращаясь к историческим трудам А.-Л. Шлёцера, Н.М. Карамзина, Н.А. Полевого, Н.Г. Устрялова, М.П. Погодина, С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского, Рычка демонстрирует, как протекал процесс включения «киево-русского прошлого в большие нарративные проекты истории Российского государства», как указанные историки «россиезировали» Киевскую Русь, внося свой посильный вклад в формирование новой модели «всероссийской национальной идентичности, в которую были включены и украинцы» (с. 251–274). Монополизацией Киевской Руси «имперская» Россия при этом не ограничилась. Достаточно подробно в книге анализируются развернувшиеся после присоединения Крыма Екатериной II мероприятия по «присвоению

наследия раннего киевского христианства и греко-византийских традиций Киевской Руси» (с. 274). Речь идёт, прежде всего, о таком способе мемориализации памяти крещения князя Владимира как церковное строительство (с. 287–291). «С точки зрения Петербурга, тут — в Херсонесе, городе князей российских, Россия, — поясняет Рычка, — будто снова находит свою веру и свою историю» (с. 275). Но «крымский Херсонес был для России вратами не только к киевскому наследию святого Владимира, но и византийскому наследству, славе Царьграда» (с. 292). Иллюстрируя эту мысль, автор обращается к возникавшим в России в XVIII — начале XX в. мнимым и реальным политическим замыслам по завоеванию Константинополя и легитимировавшим их литературным и историческим трудам. В качестве одного из наиболее популярных в литературе и искусстве в этом контексте событий рассматривается победоносный поход на Византию князя Олега с акцентом на вывешивание им на вратах Царьграда своего щита (с. 294–304). Завершают раздел авторские рассуждения об идее богоизбранности России, нашедшей воплощение в популяризованном в XIX в. концепте «Святой Руси». Возникновение данного концепта связывается Рычкой с украинской книжностью XVI–XVII вв., а применение в отношении России признаётся «химерой» (с. 309, 318).

В заключительном, пятом разделе в центре внимания оказывается «конкуренция памятей» учёных и писателей XVIII — начала XX в. относительно прав россиян и украинцев на историческое наследие Киевской Руси. Речь в основном идёт о попытках «обжалования» украинцами «единоличного права» россиян на это наследие, которые впервые становятся заметны под влиянием движения романтизма,

когда происходит «пробуждение интереса к поискам истоков самобытных народных традиций, языка, фольклора, изучение и популяризация украинской истории» (с. 321). Рычка воссоздаёт широкую панораму исторических взглядов украинских мыслителей того времени. Начало «размежевания» российской и украинской историографий связывается им с известной полемикой 1856–1857 гг. между М.П. Погодиным и М.А. Максимовичем об этнической принадлежности древнего Киева и «Южной Руси» (малороссийской или великорусской). При этом справедливо подмечено, что именно Максимович «защищал идею общих истоков истории двух народов — русского и украинского и равенство их прав на киево-русьское наследие». Но вместе с тем он, как пишет автор, «положил начало полезному для науки разграничению двух историографических традиций» (с. 339). В отличие от отлучавшей украинцев от киевского наследия «теории» Погодина, которая сколько-нибудь широкого распространения в российской историографии не получила⁹, позиция Максимовича нашла поддержку и развитие в трудах ряда украинских историков. Так, Рычка показал, что «преемственность форм, основных течений и направлений, которые связывали жизнь украинского общества XVI–XVII вв. с Киевской Русью», обосновывали в своих трудах П.А. Кулиш, М.П. Драгоманов, Н.И. Костомаров и В.Б. Антонович. Последний, в частности, «развивал теорию о наследственности древнерусской дружины и казачества, доказывая непрерывность и преемственность украинской истории. Именно он ввёл в историографический оборот термин “Русь-Украина”» (с. 376). Заслуга Антоновича и его учеников заключается, по оценке Рычки, в том, что они заложили «научные основы... обжалования монополии чужаков на киево-русьское

наследие» (с. 380–381). Создать полноценную и завершённую модель-схему национальной украинской истории представители «киевской исторической школы», однако, не смогли. Бесспорный приоритет в деле «оспаривания монополии чужаков на наследие Киевской Руси» и «деконструкции российской имперской парадигмы» Рычка отдаёт М.С. Грушевскому. На анализе его известных текстов, благодаря которым «история Украины была прочно опёрта на Киевскую Русь и Галицко-Волынскую державу как её продолжение», книга заканчивается. О последующих «войнах памяти» речь в ней не идёт. В заключении («Вместо эпилога») внимание обращается лишь на установление в современных Российской Федерации и республике Украина памятников историческим фигурам Киевской Руси.

Таким образом, книга В.М. Рычки – не исчерпывающий, но достаточно основательный труд, представляющий собой заметный вклад в изучение истории памяти Киевской Руси. Исследуя «долговременные и ожесточённые соревнования украинской и российской интеллектуальных элит за наследие Киевской Руси», автор, однако, сам оказался вовлечён в это соревнование. Книга написана им в патриотическом дискурсе, для которого история не столько поле исследования, сколько поле битвы за справедливость. В данном случае – за возвращение украинцам «присвоенного» россиянами «киево-русского наследия». Именно в этом заключается главный недостаток рассмотренной книги.

Примечания

¹ Токарева Е.А. Современные войны памяти, или Подходы к интерпретации исторических событий в истории, политике и образова-

нии // Преподаватель XXI век. 2021. № 2. Ч. 2. С. 288–300.

² Нора П. Теперішнє, нація, пам'ять / Пер. з франц. А. Репа. Київ, 2014.

³ Толочко А.П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев, 2012. С. 207–235.

⁴ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М., 2004. С. 52.

⁵ Более взвешенные оценки влияния монгольского завоевания на Московскую Русь см.: Гальперин Ч. Вымышленное родство. Московия не была наследницей Золотой Орды // Родина. 2003. № 12. С. 68–71; Селезнёв Ю.В. Русь – Залесская Орда? Откуда растут татарские корни русской государственности // Родина. 2012. № 9. С. 124–126; Филлюшкин А.И. «От тех царей Золотой Орды начало нашей Русской земли»: повлияла ли Орда на политическую культуру средневековой Руси // Stratum plus. 2016. № 5. С. 41–48.

⁶ Грушевський М.С. Звичайна схема «русскої» історії й справа раціонального укладу історії Східного Слов'янства // Статті по славянознавству. Вып. I. СПб., 1904. С. 299.

⁷ Ср.: Butler F. Enlightener of Rus': The Image of Vladimir Sviatoslavich Across the Centuries. Bloomington, 2002. P. 92–100; Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Князь Владимир Великий как национальный герой: создание образа // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 152; Сиренов А.В. Святой князь Владимир как креститель Северо-Восточной Руси: несостоявшееся «место памяти» // «Места памяти» Руси конца XV – середины XVIII в. / Отв. ред. А.В. Доронин. М., 2019. С. 30–35; Ищенко А.С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов н/Д, 2014. С. 95–118.

⁸ Толочко О. «Русь» очима «України»: в пошуках самоідентифікації та континуїтету // Сучасність. 1994. № 1. С. 111–117; Затилюк Я.В. Минуле Русі у київських творах XVII століття: тексти, автори, читачі. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2013; Затилюк Я.В. От безымянных руин к православному Сиону: «места памяти» Руси-Украины XVII–XVIII вв. // «Места памяти»... С. 352–355; Синкевич Н.А. «Изобретение традиции»: агиографические и исторические нарративы православной Киевской митрополии XVII в. // Нарративы Руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории. М., 2018. С. 261–262.

⁹ Толочко А.П. Киевская Русь и Малороссия... С. 209.